

Письма Олега Чертова, адресованные Бидзине Рамишвили, в полной мере можно назвать «грузинскими». Многие отрывки – это убедительный, искренний гимн Грузии, её народу, языку, культуре и истории. Любовь Олега Чертова к этой стране выразилась и в том, что письма написаны в интонации, свойственной грузинскому этносу – высокий стиль, яркий темперамент, откровенность и глубокая лиричность языка.

* * *

Я долго не писал тебе. Ждал, пока дела мои разъяснятся. И теперь они разъяснились предельно. Утром 5-го мая я ухожу в армию. Наверное, это для тебя неожиданность. Я и сам не ожидал. Очень хотелось летом побывать у вас. Но, как говорится, завтрашний день не оставит следа даже от планов дня нынешнего. Дело в том, что следующий набор, осенний, будет уже не на 1,5, а на 2 года. Кроме того, спешно уходя в армию, я имею сейчас возможность служить рядом с домом. Не знаю, правда, как это получится. Об этом напишу уже из части. Конечно, служба в армии – вещь вовсе не приятная, однако, чем скорее я отслужу, тем будет лучше для всех нас.

В Омске очень жарко. Я пишу тебе это письмо в кабинете проректора, под вентилятором. Я дежурю сегодня, 1-го мая, в институте. Жара, да и спешные сборы на службу, отнюдь не способствуют ясности духа. Поэтому вряд ли что-либо хорошее смогу я написать тебе сегодня.

Пасху встретили мы с Таней чудесно. Церквей в Омске всего две, и обе были забыты старушками и хулиганствующими подростками. Поэтому мы в них не пошли. Но рано утром мы отправились в лес, и такого озарения, какое посетило нас в то утро, я даже не припомню. Прекрасный был день, святой.

*Тени постелив,
Роцу подели:
Красные стволы –
Белые стволы.*

*Чистые цвета
Я к весне сберёг;
Красного ль куста,
Белых ли берёз.*

*Азнец ли в крови,
Амиран – в скале:
Красные стволы
Клонятся к земле.*

*Тайные слова
К высшему Судье
Белизной ствола
Скажут о себе.*

*Символы любви,
Знаки ли тоски –
Вешние стволы,
Вечности ростки.*

Цикл свой «Lingna arboris» я так и не успел окончить. Не успел окончить и перевод «De preparatione ad martem». Дошёл как раз до середины. Было бы у меня ещё месяца два, успел бы окончить перевод. Я немного устал за этот год. Точнее, за эти годы, ещё не зная об армии, я думал, что страница книги моей жизни, начавшаяся с приезда в Питер, исписана к настоящему моменту сверху донизу. Более того, я чувствовал, что мой перевод – это попытка перескочить на следующую страницу, попытка определить будущее. Не получилось. Новый месяц, tabula rasa, начнется у меня с армии. А что будет написано на нём, не знаю. В армии, несмотря ни на что, голова моя отдохнёт. Снова появится интерес к книгам, знаниям, мыслям. Всё, что делается в этой жизни с нами, делается вовремя. Наша обязанность лишь в том, чтобы проникать взором глубже видимого, постигать суть, благую суть, и благодарить Создателя. В армии окончательно выяснится, пойду ли я в Академию или в аспирантуру, ситуация за это время прояснится. Вот ещё один стих.

*Очнувшейся природы скупая благодать,
И тени длинные, и быстро вечереет.
Свой долг предвечный должен я отдать
Покуда не стемнеет.*

*Ведь если в сумерках бледнеющего дня
Груз выскользнет из рук моих упавших,
Он перейдёт на любящих меня
И сострадавших...*

Дорогой мой Бидзина! От Гелы совсем нет вестей. Наверное, он не выезжает из Гелати, но ведь и там есть почта? Мне сейчас будут очень нужны ваши письма, потому что первые месяцы в армии – самые тяжёлые. Пишите мне домой. Что касается словаря, то словарь всё ещё необходим.

Нельзя учить язык без словаря. Я даже не смог перевести полностью посланное тобой стихотворение Анны Каландадзе. Самоучитель Цибахашвили у нас есть.

Сегодня последняя моя ночь дома. На долгое время. Я буду писать тебе уже из армии. Постараюсь перенести всё, особенно первые месяцы. Пишите Татьяне, не оставляйте её. Очень я хотел снова приехать в Грузию, но теперь это, видимо, случится нескоро. Целую тебя, брат мой Бидзина. И Гелу, и Гию. Мы ещё встретимся.

Олег. 4 мая 1982г.

* * *

Здравствуйте, дорогие мои братья Гела, Бидзина, Гия!

Пишу вам из рядов советской армии. Служу я уже девять дней в учебной части мотострелков в посёлке Светлом рядом с Омском. Пока очень трудно, вы сами понимаете. Главное неудобство – постоянное подавление воли, придавливание духа, поэтому настроение по большей части скверное. С домом контактов пока никаких, но это и к лучшему, пока постараюсь привыкнуть. Роту нашу формируют из ребят с высшим образованием, так что будет полегче. Эти дни в основном работаем: таскаем, копаем, бегаем. Нас натаскивают разным простейшим военным премудростям. Можете представить, насколько это мне чуждо. Но без помощи духовной я не останусь, а если вы мне напишете, мне будет ещё лучше. Продержаться мне надо до октября, там – экзамены и звание сержанта. А сержантом служить полегче. Видите, какой я сейчас приземлённый. Но это временно. Доживу – сразу после демобилизации приеду в благословенную Грузию. Эта надежда согревает мне душу, а душе моей пока тяжело. Я прошу вас, братья мои, не оставляйте Татьяну, пишите ей. Ей без меня ещё хуже, чем мне здесь. Давно не имел я никаких вестей от Гелы. Как его диплом? Пишет ли Гия стихи? Бидзина, как с твоей работой? Пишите, родные мои, мне сейчас особенно нужна ваша поддержка. Что утешает меня? То, что было вырезано на перстне царя Соломона: «Всё проходит». А силы мне даёт надежда увидеть снова всех нас на грузинской земле. Сегодня день выдался неплохой, после обеда в основном отдыхали. 20 мая начнётся «учебный семестр» длиной в 5 месяцев. К концу октября получу сержантские погоны, стану командиром отделения. Вы догадываетесь, как меня это радует. Жаль, что не успел окончить свой перевод. Сделал почти половину. Стали вырисовываться смысл, композиция, оттенки. Но ничего, этот перевод я ещё окончу. Окончу и свой цикл стихов «Lingna arboris». А пока я так далёк от всего этого, от творчества, от науки, это всё кажется нереальным, существующем в другой жизни. Ничего, всё проходит. Достоевский 4 года отбывал каторгу и ещё 4 года солдатчины. А мне всего 1,5 года, да и условия вовсе не те. На день присяги обещают отпустить домой. Да

и потом, наверное, будут увольнительные. Проживём. Трудно только первое время, но сейчас именно это первое время и есть.

Я помню и люблю вас. И верю в вас, братья мои. Бог даст, увидимся. Целую вас.

13/V-82г.

Пишите мне ли домой или в часть: 644115, Омск-115. в/ч 42780 «В».

* * *

Здравствуй, дорогой мой Бидзина!

Пишу тебе второе письмо из армии. Ко мне приезжала Таня, привезла оба твоих письма – самая лучшая помощь мне, лучшее лекарство от здешней тоски. Теперь оба письма эти всегда со мною. Жизнь моя протекает страшно. В части я уже 24-й день, и уже больше недели нахожусь в пункте медицинской помощи. Попал я сюда из-за своей хронической ангины. Пока лежал тут – отдохнул, полечил сбитые сапогами ноги, повидался с родными. Служба идёт. Пока не попадёшь в армию, ни за что не поймёшь, что такое эта «служба». Главное – нужно тянуть время, искать работу полегче, место поспокойнее, ладить с «начальством». Жаль только времени, ведь выбрасывается полтора года своей жизни, своей работы, стихов, переводов, мыслей.

Одно хорошо – голова отдыхает, полный вакуум. Только память иногда пробивает мои блоки нынешней отчуждённости. Полуторогодовалая временная яма. Выберусь из неё – края сомкнутся, и будто не было полтора лет. Сейчас даже не верится, что писал стихи, занимался переводом. Но – «всё проходит» – надпись на перстне царя Соломона. Пройдёт и это бесцельное времяпрепровождение. Пока я лежу в больнице, моя рота марширует и работает. Скоро мне придётся присоединиться к ним. Естественно, пока нет никаких условий заниматься, так что присылать словарь пока не стоит. Всё равно, со временем меня тут устроят или в штаб, или в политотдел, будет у меня отдельная работа, будет и свободное время. Наверное, появится возможность для изучения языка. Да, кстати, в нашей роте служит человек десять грузин из Тбилиси и Кутаиси, с высшим образованием, правда, никого нет. Может быть, появится возможность немного изучить разговорный язык.

А пока продолжаю лежать в медпункте. Скоро начнут гонять на учения, стрельбы, «обкатывать» танками, короче, идёт игра в войну. Пока игра...

Чем освещается эта моя жизнь? Где-то внутри, глубоко освещается душа моя дорогими воспоминаниями. Глубоко. Армия – беспрестанное подавление воли, подчинение, уничтожение. Здесь нет ни погоды, ни природы, ни человеческого общения. Вероятно, со временем, когда я привыкну к своей новой жизни, возможно, всё это появится, или отсутствие не будет так тяготить. А пока – время идёт. Когда я увижу вас? Да, для того, чтобы нам встретиться, придется пройти через страдания и время, через пот, через самих себя. В

глубине души я чувствовал, что не удастся по-видаться в это лето. Ещё рано. Рано. Но каким я буду ко времени нашей встречи? За это время я должен накопить силу для творения и жажду творения.

Как там любимый брат мой Гела? Пусть он не тревожится за меня, я всё перенесу спокойно. Всё будет так, как должно. Почему задерживают публикацию стихов Гии? Цензура или места нет? Обращаю мысли мои к Вам с большой нежностью. Вольный воздух Грузии. Только здесь начинаешь по-настоящему ценить свободу. Ну ладно, пора кончать, а то я это письмо никогда не закончу. Пишите мне, братья мои, домой; оттуда я или сам заберу, или Таня передаст. Всё происходит как должно, Книга Судьбы читается дальше, именно читается, ибо всё в ней написано пречечно. Ведь так? Целую тебя, Бидзина. Вышел ли ты из госпитали? Освободили ли Гелу от сборов?

Да, ты должен обязательно окончить перевод эссе. Цени время, его осталось очень немного. Что за работу ты нашёл? Да, Бидзина, если будешь посылать пластинки, то посылай на мой адрес, но не Татьяне, а маме: Чертовой Розе Александровне, потому что Таня прописана у себя дома.

Ну, вот и всё, жду твоего благодатного письма.

Помощь ваша духовная мне необходима. Целую тебя, брат мой. Верю, что мы встретимся. Верю в это.

30/V-82

* * *

Дорогой мой Бидзина!

Долго не мог тебе написать – уезжал на учения под Новосибирск, а оттуда даже домой написать было невозможно. Учения получились удачные – две недели отдыхал, загорал, собирал ягоды, да ещё умудрился заработать благодарность за образцовое несение службы. Под эту благодарность я получил увольнение домой на 3 дня. Два дня мы с Татьяной прекрасно провели, а сегодня вечером я возвращаюсь в часть. Что сказать о моих делах? Прежде всего, старая истина: человек ко всему привыкает. Первые недели службы были очень тяжелы, но в самые критические минуты душе моей ниспослалось отдохновение и какая-то надежда на грядущую радость. Тихое озарение. Это меня спасало всегда. Кто просит – тому даётся. Как у Арсения Тарковского: «Жизнь брала под крыло, Берегла и спасала, Мне и вправду везло – Только этого мало». К службе я уже привык, и она теперь не так тяготит меня. Тем более что отношение в роте ко мне со стороны и солдат, и сержантов, и офицеров на редкость благожелательное. Конечно, это не моя заслуга, а лишь воля руки, пишущей мою судьбу. С завтрашнего дня меня забирают в штаб батальона, батальонным писарем. Это большая удача для меня; вероятно, на этой должности я и пробуду весь срок службы. Это наиболее вероятно. Если так случится, то все караулы, наряды, приборки, работы, маршбро-

ски для меня окончились. Немного погоды, наверное, буду каждую неделю, на субботу-воскресенье, вырываться домой. «Жизнь брала под крыло...».

Сегодня постараемся сфотографироваться с Татьяной. Я очень изменился внешне: похудел на 8 кг, загорел, коротко постригся. Когда мы с женой гуляем по городу, все вежливо строятся – видимо, принимают меня за толькo что освободившегося из тюрьмы. Дома у меня тихо и покойно. Очень жаль этого лета, но что делать?

Меня тревожат твои дела. Каджи уже сточают режим и гонят в СА всех. У нас, ещё до присяги, сбежали шестеро грузин. Их поймали, из Грузии везут сюда, где будет судить их военный трибунал. В утрашение остальным. Не дай Бог попасть тебе в армию, брат мой. Но я верю, что всё окончится благополучно. К слову, твоё последнее письмо пришло в очень странном виде: конверт другой и подписан чужим почерком, на обороте надпись: «Поступило в повреждённом виде, письмо переупаковано», – и печать. Странно. Да и само письмо ты написал ещё 14 июня, а получил я его позавчера. Так что никаких новых обстоятельств твоей жизни я не знаю, и очень этим обеспокоен.

Огромное тебе спасибо от нас за чудесную посылку! Именно чудесную. Теперь у меня есть столько грузинских песен! Надеюсь, что в скором времени мои армейские дела позволят мне обрести некоторую свободу и заняться грузинским языком.

Меня очень беспокоит состояние духа Гелы. Что у него? Главное даже не событийная сторона его жизни, а настроения. Мне почему-то кажется, что сейчас там у вас не всё ладно. Всё это пройдет, безусловно, всё это временность. «Мечты Господни многооки, Рука дающего щедра, И если есть ещё, как Он, пророки, Святые рыцари добра». Это Николай Гумилёв. Ты спрашивал о стихах Соловьёва. Они обязательно должны входить в собрание его сочинений (в самое полное), но было три отдельных издания его стихотворений, подготовленных к печати Радловым и Сергеем Соловьёвым. Последнее, кажется, в 1912 году. Наверняка стихи Соловьёва есть в университетской библиотеке. Что касается наших стихов, то Татьяна сейчас пишет, у неё удивительно просветлённое состояние (а так и должно быть), а я, естественно, пока ничего писать не могу. Мечтаю только, по приезде в Грузию, где-нибудь в горах, в монастыре, на древних камнях, устроить чтение наших (Гии, Тани и моих) стихов. Да благословит Господь этот день! Сейчас же посылаю тебе стихотворение, написанное ещё зимой, по нему весь цикл назван «Lingna arboris».

Как ты устроился с работой – мне так и не ясно. Окончились ли твои больничные мытарства? Как здоровье бабушки? Где ты сейчас обитаешь? Как дела Гелы? В ближайшее время напишу ему письмо. Передай ему, что я очень тревожусь и очень люблю его. Всё будет так, как должно. Принялся ли Гия за какое-нибудь регулярное занятие? Пиши мне, дорогой брат

мой, я очень жду твоих писем. Целую тебя. Поклон от меня твоим замечательным родителям.

18.VIII-82

Lingna arboris

*Я разучился понимать язык деревьев,
Ствола гудение, свистящий шёпот хвои,
Я сжался весь от жалости и боли –
Душа, как ель зимой, заиндевала.*

*И немота, как ледяная корка,
И на уста легла печать немая.
Всё понимая и – не принимая,
Седею я от бесполезной скорби.*

*Но за лекарство горькое – спасибо!
Впиваюсь жадно в терпкий запах дыма...
Пути Господни – неисповедимы.
О чём молчанье Твоё, Спаситель?*

Таня сейчас читает роман Отара Чиладзе «Шёл по дороге человек»; я считаю его одним из самых глубоких и самых трудных произведений современности. Хорошо бы успеть до приезда в Грузию написать хотя бы небольшую работу по Чиладзе. И, конечно, огромнейшей удачей было бы повидаться с ним. Видишь, Бидзина, сколько у меня надежд на будущее. Успеть бы только.

Пока вы живы и помните меня – я буду жив. Вы – свечи моей надежды и веры. Повторяю: из мрака тянусь к вам...

Не вмещается в письмо то, что нужно сказать. Писать письма – что пить солёную воду: жажду не утолишь. Скоро напишу ещё. Говорить с тобой – большая честь для меня, дорогой мой. Я тебе несказанно благодарен, что ты решился мне написать. Расскажи, как ты устраиваешь свою дальнейшую жизнь. Чем занимаешься, о чём думаешь? Поклон родителям и Ванико, дому твоему старому поклон. Ты переехал уже на новую квартиру? Пиши. Целую тебя, Бидзина, и молюсь за тебя. Пусть все беды твои падут на мою голову. Благодарь Господня да не минует тебя.

Олег.
22/VIII. 1982.

Здравствуй, мой брат!

Как раз сегодня я пришел домой, после довольно долгого отсутствия, и сегодня получил твоё письмо. Я его так долго ждал. Сколько времени ещё мне ждать встречи с тобой и Гелой? Помнишь ли, я писал тебе пред уходом в армию, что в книге моей жизни благая рука перелистнула страницу, и я пишу (или читаю?) новый лист собственной судьбы. Основные события, описанные на этом листе, я давно предугадал: армия, рождение ребёнка и возвращение в Грузию. Возвращение. Я содрогаюсь от предугадывания того святого чувства, которое снова исполнит меня при виде вас.

Родной мой! Эти дни мне поразительно ясно думается, ясно и спокойно. Вот это я тебе уже посылал (но повторю):

*Как будто солнце охладело.
Но ярче свет.
Сентябрь творит богослуженье,
Пасхально свят.*

*Вот паутина пролетела
За ветром вслед,
И в ускользящем движении
Явилась связь.*

*И я гонюсь за паутиной,
И каждый звук
В словах, мной произнесённых.
Пасхально свят.*

*И в беге том необратимом.
Во взмахе рук,
В пред-достижении осеннем
Явилась связь.*

Я написал это одним осенним, сентябрьским днём, днём, насквозь пронизанным солнечным, холодным ветром. Леса тогда стояли ещё в золоте. А сейчас у нас уже самое преддверие зимы. И октябрь меня как-то особенно успокоил.

*Странно путь мой нынешний пролёт,
К лестнице приведший постепенно:
За ступенькой лестницы – ступенька.
Над пролётом лестницы – пролёт.*

*Лестница моих ушедших дней,
Дерево, погнившее местами.
То шуришит опавшими листьями,
То скрипит под тяжестью моей...*

*Сунул осень в сумку на плече,
Чтобы время не толкало в спину:
Кончился мой бег за паутиной,
Паутина – на моём плаще.*

Таня передаёт свою любовь вместе с этим моим письмом. Да хранит Господь от тоски твоё загородное сердце. Целую тебя, брат мой. И Гелу. Как мне хочется обнять его! Поклон тёте Цисане и твоим родителям и бабушке. Пиши, родной мой, сейчас нам это просто необходимо.

14.XI.82

«Мирангула» в моём доме. Ничего более чистого и грустного мне слышать не доводилось. Всё лучшее в моей земной жизни – в этой мелодии. Я допишу тебе, когда просохнут мои слёзы.

Милый брат мой Бидзина!

Это письмо я уже начинал несколько раз. Именно к тебе, а не к Геле. Почему? Знаю только, что так должно быть. Теперь – «Урму-

ли». Я люблю, всех трёх вас, как люблю своего брата. Наверное, умру за вас не думая, но как жить достойно?

*В мой дом, стоящий от дорог вдали,
Три ангела усталые вошли.*

Это я о вас. Дальше не стал писать. Вы – моя ветхозаветная троица. Простите меня, братья. Не судите меня, братья.

«Чела». Господь знает, когда иссякают мои силы, и всегда Он посылает мне свою благостную помощь. Вы приехали тогда, когда силы мои иссякали, душа моя была бесплодна и шершава от жажды. Прости меня, Бидзина, брат! Все ночи после вашего отъезда я мучился отчаянно. Но день за днем, капля за каплей, чистая ваша кровь заменяла мою отравленную. Не судите меня, братья. Вы часто снились мне, почти каждую ночь. А этой ночью ты, Бидзина, привиделся мне. И ты сказал: «Не мучайся понапрасну, мы помним о тебе, мы понимаем тебя лучше, чем ты сам себя знаешь». Я поверил своему сну, Бидзина, брат мой. Что мне остается делать? Не отрекайтесь от меня, грузины, кроме вас, нет у меня духовной поддержки на Земле; кроме Грузии, нет у меня родной земли – есть только пристанища. Душа моя распрямляется, и живые слова, не сказанные тогда, в ваш приезд, рождаются сейчас, но вас нет! – любимая. Мыслей моих, тёмных и светлых, передать не смогу. Начинается новый этап моей жизни. Все дни до вашего приезда, я шёл, повернувшись спиной к Богу и истине, вы и сами это поняли. Господи, всемилостивый Господи, прости меня и на этот раз. Я снова побрёл за истиной, только бы успеть.

Летом я обязательно приеду. Если вы захотите меня видеть. Потому что от вас нет вестей. А дозвониться в Тбилиси я не могу. Да и что скажу? Не отрекайтесь от меня.

Сразу после армии я еду в Питер в Духовную Академию, если мне не помешает война или смерть. Другого пути у меня нет, ты это тоже понял. Бидзина, дорогой, нет ли у вас «Самоучителя грузинского языка»? Если есть, срочно вышли. Очень нужно. Медленно и бережно прочитал я Отара Чиладзе, а теперь читаю Амиреджиби. Мыслей о Чиладзе много, попробую к лету собрать их в небольшую работу. Амиреджиби интересен своей некоторой отстранённостью взгляда на Грузию – следствие его многолетнего пребывания в российских лагерях. Поэтому «Дата Туташхиа» во многом – учебник, путеводитель по Грузии. Он помогает мне выяснить для себя некоторые вещи, раньше мне не понятные.

Да, «Самоучитель» не надо искать – я уже нашёл его. Понемногу начинаю осваивать. В моём отношении к Грузии что-то начинает меняться коренным образом. Что-то повертывается, раскрывается в душе моей. Пока ещё трудно объяснить, в чём дело, но мне кажется, я начинаю воспринимать что-то глубинное.

К нам подкрадывается весна. Теперь ты знаешь, что такое сибирская зима, поймёшь,

значит, как мы ждём весны. Время летит мимо меня. До сих пор кажется, что уехали вы только вчера.

Чем ты занимаешься, Бидзина? Как дела с переездом? Что делают твои бабушка, папа, мама и брат? Каждому из них особый поклон. Память о твоём доме освещает меня изнутри. Неужели я когда-нибудь снова буду в Тбилиси? Но, может быть, вы собираетесь на лето куда-нибудь? Напиши мне, чтобы я не помешал вашим планам.

У нас с Татьяной не прекращаются беседы о вас. Каждый вечер мы утешаем друг друга, ищем причины, объяснения вашему молчанию. И говорим друг другу, какие вы прекрасные, наши ангелы, наши грузины. Что делал бы я без вас? Напиши нам, пожалуйста, поскорее напиши.

Обнимаю тебя, и Гелу, и Гио. Будьте живы, мои дорогие.

И простите меня.

Ваш блудный брат Олег.
23.11.82г.

*Уходит всё в голубизну
Земного уголка Вселенной,
Где обретает дух нетленный
Утраченную тишину.*

*Безумие царит во мне –
Земные, ложные стремленья,-
Но в долгожданное мгновенье
Я растворюсь в голубизне.*

*Так примирялось большинство,
Все племена и все народы,
И эти голубые воды
С улыбкой выпьет Божество.*

Странные стихи я стал писать.

* * *

Наконец выбрал время «на свободе» написать тебе. Время закручивается всё яростней напоследок. Вот мы и пережили эту зиму. У нас скоро весна, а у вас она уже началась. Начну с тех стихов, которые я написал (сам удивляюсь) со времени моей последней весточки. Удивляюсь, потому что даже в армейской не-свободе и бестолковщине Нечто поддерживает мой дух, и иные мгновения мои промыты до-чиста. Наши письма друг другу... Мы с тобой как два путника на параллельных дорогах. Друг друга не видим, но знаем, что идём иногда, и один другого подбадривает, когда тот устаёт. Идём. Вместе сойдёмся навечно. Все мы вместе сойдёмся навечно. Мои родные. Наш вечный дом. Странные мысли посещают меня, большие, приходят они в одиночку, по очереди, и потрясают всю мою душу своей серьёзностью в наше фальшивое время. О смерти. О страхе смертном. О вечности. Поодиночке приходят, не так, как раньше, скопом, а порознь. Путники. Очень хочется прочитать новый цикл стихов Ги.

*Ещё не начала светать.
Какой восторг – не передать:
Ночного неба благодать
И вдохновенье.
Остановились жернова,
И льдинкой звякнули слова:
«Рука Ведущего права
и в ней спасенье».*

*Безумие царит во мне,
Но будь хоть тягостней вдвойне,
Я выйду из себя вовне,
И в небе этом,
С лицом, сияющим от слёз,
Среди туманностей и звёзд,
Где я до этой жизни рос,
Вновь стану светом.*

Аня растёт. Скоро ей уже 3 месяца. Любит музыку. Иногда кричит, когда болит что-нибудь или хочет есть. Симпатичная, любит своего папу. Не любит людей злых и глупых, считает, по-видимому, глупость сродни злу. Наши бабушки и дедушка сконцентрировали на Аньке своё внимание, хотя все они люди занятые. Таня ведёт изнурительную борьбу с последним курсом института, сражается за диплом. Сегодня, 23 февраля, мой профессиональный праздник. В армии спокойно и лениво. Мне осталось ещё 8 месяцев службы. Получил «очередное звание» – теперь именуюсь «старший сержант».

В августе собираюсь в отпуск. Мечтаем хоть одного из вас троих заполучить на это время. Но позволят ли вам обстоятельства? На коленях у меня сидит Дата, медвежонок, и читает, что я тут написал. Собираемся выводить сейчас Аньку на прогулку. На дворе яркий снег, солнце, чистое небо. Всё ещё зимнее, красивое, здоровое.

*Смежил глаза усталый Водолей.
Полночная январская метель
Становится прозрачней и синей.
Пасхальный мне припомнился апрель.*

*Одна молитва утром Рождества:
«Ты мне открыл глаза – открой уста!»
Глаза мои промыты дочиста
И созерцают бездну естества.*

*И снова мрак. Склонился Водолей.
Зрачки его как язычок свечи.
И в стенах замурованных церквей
Рождественское пение звучит.*

Встретиться бы нам пораньше, а то времени всё меньше и меньше.

Ну вот, дописываю это письмо только через 4 дня. Уже ночь, завтра в семь утра уже буду снова в части.

Твое письмо меня порадовало. Конечно, пока я в армии, у меня нет возможности что-то серьёзно взвесить, обдумать, додумать. Когда вырываюсь на субботу-воскресенье домой, стараюсь главным образом поддерживать домашних, особенно Таню, ей без меня очень тяжело,

но что же поделать? Устает сильно, да и все они устают, ребёнок требует много времени и сил. Один я вынужденно отдыхаю в армии. В короткие часы «гражданской жизни» успеваю ещё писать стихи, ни на что более серьёзное просто не хватает времени. Вот ещё одно, детское.

*Попросил я друга Великана:
«Дай хлебнуть из твоего стакана.
Что ты пьёшь, забравшись высоко?»
Великан ответил: «Молоко.*

*Ты попробуй, вкусное какое
Молоко нездешнего покоя.
Видишь, в небе плещется река
Звёздно-голубого молока.*

*Власть напившись этим молоком
Время спит над млечным родником».
Великан задумался на миг:
«Мой стакан для смертного велик».*

*Он бокал свой наклонил слегка –
Выплеснулась капля молока.
Пролетая мрак и пустоту
Молоко застыло на лету.*

*До Земли добраться нелегко –
Много дней летело молоко.
Путь от Водолея до Земли
От весны летело до зимы.*

*Я в окошко глянул наугад:
Снегопад? Да нет, молокопад!
И вбираю я одним глотком
Снег и вечность – вместе с молоком...*

Есть у меня ещё задумка. Если вы ещё не приведёте ко времени моего приезда свою квартиру в надлежащий вид, я сам займусь этим. Понадобится – приведу из Кутаиси своих армейских друзей – строителей. Думаю, что так оно и будет.

Ещё одно о детстве, очень недавнее. Мадригал.

*Я на деревья смотрел снизу вверх
Двадцать четыре года назад.
Долго глядел уходящему вслед
Двадцать четыре года назад.*

*Чувствовал свет из-под замкнутых век
Двадцать четыре года назад.
Маленький братец всесильных планет
Двадцать четыре года назад.*

*Видишь, малыш, я уже поседел.
Горше душою, мрачнее лицом.
Ангел заплакал и улетел.
Время замкнулось тяжёлым кольцом.*

*И захлебнулся... Он поднял глаза,
Медленно варезки тёплые снял,
Пальцами тонкими нити связал –
Это движенье пронзило меня.*

тяготы. И память. Живём. Редко молился. Годы три я не исповедовался. В лесу давно не был. Вас давно не видел. Устал. Ничего, доживём. Прошлым летом писал:

*Закон суровый и простой:
Страшишь Судьбы благовольенья –
В неотвратимое мгновенье
Ты вскрикнешь под её пятой!*

Это получилось как раз о прошедшей зиме. Но – прошла, прошла зима.

Поцелуй Гелу и Гию. Надеюсь от Гелы получить письмо. Как у него с аспирантурой? Как здоровье тети Цисаны? Поклон ей и твоим родителям. Как твой брат, Бидзина? Ты что-то перестал писать о нём. Опубликуют ли Гию наконец? Впрочем, для настоящего поэта это неважно, на мой взгляд. Я ужасно рад за вас: вы съездили в чудесное место, были наедине со святыми камнями древности. Мы всего этого лишены, и уже многие годы.

Что касается работы над древней анографией – я думаю, что живой язык даст силы твоей душе, даст то, чего не даст музыка. Музыка – прекрасный наркотик. Будь осторожен с ней. Мир создан Словом; Словом и мы, грешные, живы. Слово – Бог. При встрече – поговорим.

Целую тебя и обнимаю, брат мой. Да пошлёт Господь тебе силы душевной и духу твоему крепости. Пиши поскорее. И Гелу заставь. Твои письма – свет надежды для нас, утешение от Господа. Мы будем молиться за вас. До свиданья, брат!

28.03.84г.

Олег.

P.S. И всё же – Икалтийская академия. Если бы было возможно – дожить в труде, дружбе и радости до часа гнева Господня! Или от усталости и отчаяния я потерял способность здраво мыслить?

Господи, не оставь нас, не оставь.

* * *

Наконец-то я могу ответить тебе, дорогой брат.

Дома мы с Анькой вдвоём, сидим на балконе. Наконец-то лето пришло и в Сибирь; с опозданием всё зацвело и отогрелось. Начинаем загорать и купаться. Силы на исходе, но в начале июля у меня начинается отпуск, да и в июне у меня работы почти нет. А Таня работает каждый день. Так что я работаю нянькой. Кстати, посылаю тебе фотографии нашего чада и нас заодно. Анька начинает говорить, себя называет «Няня Тотова», поёт, пляшет. Обаятельный ребёнок, но большая шалуныя. Однако уже сейчас в её характере угадываются будущие бойцовские качества; по-моему, она будет надёжным и хорошим человеком. Даст Бог.

...

Очень тяжёлый год. То жара, то редкое похолодание; перепады давления, очень высокая смертность. В общем, закручивается водоворот.

Вот так. Минуты просветления, часы отчаянья. Но всё же несказанная радость мыслей о вас. Если бы не это чудо Божье – как бы мы жили сейчас, чем жили и зачем?

До Пасхи, до обновления все мои «труды» как бы заморозились. Начал писать главу об Иване Карамазове, но пока это не то, что должно. Впрочем, Бог даст, выйду в этой работе на истинный путь.

Дорогой мой! Меня беспокоит твоё здоровье. У Тани тоже не всё в порядке со здоровьем. Но мы с ней начали занятия системой йогов, в которой я немножко смыслю, и, думаю, всё уладится. Если будет желание с твоей стороны – поправим здоровье и тебе, не прибегая к врачам.

Очень рад, что у тебя что-то устраивается с работой, причём, с работой интересной. Впрочем, постучу по дереву – вдруг слажку, вдруг опять сорвётся. Конечно, заниматься амографией, богословием – замечательно. В Грузии это ещё возможно, в России – уже нет. Все хуже и отвратнее. Последнее время мне думается, что лучший выход – это всем нам собраться где-нибудь в деревне, вместе и навсегда, работать на своём поле, растить виноград и овощи. Эта работа очищает. Лучше жить трудом рук своих, чем продавать себя. Летом – работа. Зимой – книги, беседы у очага, застолье с близкими, да мало ли! Утопия? Нереально? Никакая утопия не была ещё так необходима. Как Икалтийская академия. Господи! Какое это было бы очищение и успокоение! Главное – успокоение. А то мы все мечемся. Что ты думаешь по этому поводу, брат?

А я бы отбросил всякую аспирантуру и всё прочее. Не задумываясь. Работать я умею и люблю. Тем более так. Наверное, смешно? Но это мысль от Бога. Поговори с Гелой. Впрочем, это действительно утопия. Где найти эту землю обетованную? Только в других измерениях и мирах, если встретимся, найдём наш вечный дом.

Теперь о лете. Я тоже хотел бы приехать как можно на больший срок, хотя, конечно, каждый из наших общих дней будет живителен как вода, наполнен и ценен. Но Таня будет всё лето работать; она выходит на работу только в конце мая. Придется доставать ей больничный или брать отпуск без содержания (если дадут), а это – две недели, не больше. Во всяком случае, она так считает. К тому же оставить Анечку на долгий срок тоже невозможно. Впрочем, я рассчитываю всё же недели на три. У самого меня отпуск – весь июль и весь август. Ладно, всё будет как должно быть.

Дорогой брат мой! Работу по Отару Чиладзе я вам все-таки перешлю, потому что есть шанс, что я не смогу вообще его застать летом. Найдёшь ли ты возможность передать её ему? В апреле я её перепечатаю и пришлю. Анечкины фото скоро будут готовы, и я пришлю. Таня тоже пишет тебе письмо. Надеюсь, скоро отправит.

Всё идёт своим чередом, хвала Господу. Есть хлеб, есть небо, есть любовь, есть горе и

Удивительно, но настроение при этом оптимистическое. Почему бы это? Сегодня закончил печатать свою работу по Чиладзе. Завтра или послезавтра вышлю. Честно говоря, не знаю, имеет ли она хоть какую-нибудь ценность, – не могу об этом судить. Писал я её ещё в армии; сейчас у меня другие мысли и другие настроения. Посмотришь сам. Посылаю два экземпляра; если будет возможность передать один Чиладзе – цель работы будет достигнута.

Впрочем, мне давно уже не кажется особенно ценным то, что я пишу. Сейчас надо бы поработать над «Братьями Карамазовыми», есть интересные намётки, но нет сил. В эти дни у меня одно чётко выраженное желание – отдыхать, читать детские книги, ни о чём не думать. На рассвете, пока дома спят, я выхожу из дома и хожу пешком по двадцать километров. Хорошо по утрам.

Странные стихи слагаются у меня в эти дни. Одно – о вас, о том вашем появлении вечером 11 декабря 81 года. Вот оно.

*В мой дом, стоящий от дорог вдали,
Три ангела, усталые, вошли.
Стучалась в дом, срывая дверь с петель,
Жестокая декабрьская метель.*

*Явились в полночь спутники мои –
Три ангела, три брата, три судьи.
И в утешение от давних слёз
Благую весть один из них принёс.*

*Другой дал то, чего я ждал давно –
Святое покаянное зерно.
А третий подаянье завершил,
Мне протянув терпения кувшин.*

*Сказали: «Всё теперь для жизни есть:
Осветит путь во тьме благая весть.
Для утоленья голода дано
Святое покаянное зерно.*

*А в день испепеления Земли
Водой терпенья жажду утоли».
И, возвращаясь в перевозданный снег,
Они шагнули в темноту и вверх.*

*Но, уходя из моего тепла,
Мне подарили по перу с крыла.
Так и живу с тех пор: в окно смотрю,
Терпенью пью да крылья мастерю.*

О поездке, мыслью о которой жил я три года. Мы сможем приехать на три недели. В Тбилиси, вероятнее всего, мы прилетим из Москвы числа 6-7 августа, может, на день-два позже. Ты спрашиваешь насчёт наших планов. Мне бы хотелось, чтобы и вы отдохнули тоже. А вкусы у нас общие: покой, лес, поменьше людей, тишина и старый камин. Но всё это не главное. Главное, чтобы мы встретились и узнали друг друга. Остальное – пустяки.

*Опять стрекозой на тростинке
Качается доля моя.*

*И я ухожу по тропинке
От дома до небытия.*

*Туман по низинам клубится,
Роса на траве и коре.
И странная серая птица
Тревожно кричит на заре.*

*Уже занимается утро,
Но путь нетяжёл и далёк.
И, значит, найдётся минута
Присесть у воды на пенёк.*

*Минуты пройдут или годы,
Но Судьи ко мне не строги.
И вновь под зелёные своды
Вернусь от спокойной реки:*

*Шагать по тропинке заросшей
Под ломкую песню дрозда,
Молиться на взгорке, за рощей,
Расцветшему Древу Креста.*

Последнее событийное. Спасибо тебе и Геле за словарь. Я его привезу обратно с собой. Ничего ценного для перевода с грузинского у меня нет. Если была бы возможность, я бы очень хотел переводить или стихи Галактиона (в одной глухой деревушке я купил прекрасную изданную книгу его стихов – представь мою радость), или прозу Чиладзе. Это, безусловно, очень трудно, но так даже лучше. Если можно что-либо подобное прислать, пришли, пожалуйста, скорее.

Теперь о сути. То есть о тебе. Сейчас я открыл то место в Новом Завете, куда вложена твоя фотокарточка в виде закладки. Это любимое моё 2-е послание Петра: «Были и в народе, как у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую гибель. И многие последуют их разврату, и чрез них путь истины будет в поношении» (II Петр, 2, 1-2). И много, много ещё очень возможно для нас. Я был неправ, акцентируя внимание твоё на своих мечтаниях. Во-первых, в Грузии совсем другая жизнь; вам трудно понять всю жестокость нашего социума. Во-вторых, ты ещё не был в достаточной степени в котлях социума, поэтому тебе, мой дорогой, не совсем понятна моя решимость. Ты прав, ещё, вероятно, не время. Но боюсь, что всего земного времени нам не хватит, песка в Часах осталось немного. Свои смутные мысли по этому поводу я оформил в очень странную такую поэму, что ли.

*Легла полоска света от дверей.
От дома ветхого во тьму,
к ночному парку.
И вдоль ручья, под сводчатую арку.
Скользнуло пять мятущихся теней.
Три светлых девушки,
в лохмотьях, без слов,
Через ручей перебирались вброд.
И их никто не умолял остаться:
Надежда, Вера и сестра Любовь.*

*И скорбный мальчик, именем Добро,
Вёл за руку измученного старца
С песочными часами на плече.
То Время уходило, и ручей
Иссяк. А тени часом поздним –
От дома – к лесу, и от леса – к звёздам.
С уходом их как будто бы темней,
И круче, и мятежней стала полночь,
И, жаждая брешь Бытия восполнить,
Она извергла пять иных теней.*

*Три карлицы, одетые в шелка,
К покинутому дому пробирались
В безмолвии, стараясь не шуметь,
На цыточках, след в след, в руке рука:
Корысть и Злоба, и сестра их Зависть.
А вслед за ними поспешали Смерть
С Безвременьем. При появлении их
Безжизненный наполнился родник,
Но только пеплом. Вскоре вмятером
Они проникли в злополучный дом...
Петух к рассвету трижды прокричал.
Все спали. Тот, кто видел – промолчал.
Ночной кошмар преследует меня.
Пора и нам. Уйдём к исходу дня.*

Вот какие нелепые мысли у меня, и выражены они в соответствующей нелепой форме.

Все письмо получается какое-то дурацкое. Ты прав, накануне встречи письма абсурдны. Слишком многое нужно сказать. А пишется совсем другое. Поэтому прости, дорогой мой, это сумбурное письмо. У меня есть, что сказать тебе.

Вчера утром отослал тебе бандероль с двумя экземплярами рукописи и фотографиями. Скоро мы и сами последуем. Кстати, на какое отделение университета пойдёт твой братишка? Наверное, на филологию. Как с твоей работой и как твоё здоровье? Сейчас читаю теорию йогов, очень много полезного для избавления тела и души от недугов и немощей.

Дорогой мой Бидзина! Я закончу это нелепое письмо, потому что нужно его всё же отослать. Ничего я не сумел сказать дельного, но хоть информацию сообщил. И то ладно. Я очень люблю вас с Гелой, и вижу ту вашу суть, о которой вы и сами не знаете, конечно. Дело тут не в интуиции. Трудно это сейчас выразить.

Передай поклон родителям и брату. Поцелуй Гелу, если увидишь – Гию. Пиши, хотя бы событийно, потому что информация сейчас у нас важная идёт. Получил ли ты бандероль?

Ну, всё, целую тебя. Скоро, Бог даст, увидимся. Будем ждать этого.

Олег.
16.06.84г.

Дорогой мой Бидзина!

Краткое дополнение к письму, которое ты получил. Сегодня пришла ваша с Гелой телеграмма. На душе стало теплее, хотя и доставил вам беспокойство. Завтра пошлю, если успею, телеграмму. Впрочем, она придет в вос-

кресенье, в воскресенье же придет и письмом, так что есть ли в ней необходимость? Переехали ли вы на Хилиани? Посылаю тебе подарок. Думаю, понравится.

Бидзине Рамшвили.

*Висим под Икви на скале.
Вот это влипли!
На перевернутом столе
Висим над Икви.*

*То исчезает в глубине,
То вновь возникнет
Телесный страх в телесном мне –
Вишу над Икви.*

*Внизу в долине тонет храм
В потоке бликов.
Я телом – здесь, я духом – там.
Вишу над Икви.*

*Вцепился в камень, а края –
Острее бритвы.
Налево вверх ушла змея...
Вишу над Икви.*

*Как близко мать, жена и дочь:
Услышат – крикни!
Их не спасти, им не помочь –
Вишу над Икви.*

*Прости, Отец, услышь, Господь,
Мои молитвы.
Спаси мне душу, а не плоть!
Вишу над Икви...*

*Октябрь. Луга на спинах гор
Легли – поникли...
Мы с братом живы. И с тех пор
Висим над Икви.*

4.10.1984 Р.ХР.

Всё время вспоминаем о вас. К слову, все присланные стихотворения – мой новый цикл – я по привычке записываю на открытках. На этот раз это набор видов Гелати – смотрю на них и погружаюсь в них. Даже не верится, что был там и трогал золотую мозаику руками. Таня всё собирается написать и тебе, и Геле письмо (Геле она хочет нарисовать в напоминание бабочку и говорит, что все её обманывают). А я тебе напоминаю обещание прислать детскую твою фотографию. Ещё очень любим вспоминать день Танюшиного крещения. Всех вас целую. Душа моя не может вместить моей любви и нежности к вам. К тебе и Геле. Целую Мишико и Гию, если его занесёт макарабзевский ветер в Тифлис. Поклон тете Манане и Вашико. Поцелуйте тетю Цисану. Анечка всех вас любит. Очень повзрослела. Уже говорит. Сегодня папа (то есть я) подарил ей кукольную посуду, и она целый день кормит кукол. Ещё раз целую вас с Гелой.

Ваш Олег.
15. 10.84

Дорогой мой Бидзина!

Посылаю маленькое добавочное письмо.

Только что принесли бандероль с фотографиями и твоим письмом. Большая радость для меня. Эти кадры я хорошо помню. Даже на фотографиях видно, какие у нас умиротворенные, счастливые лица. Только теперь я понял, точнее, вспомнил, как я был счастлив и безмятежен.

Думаю, что мы ещё побываем с тобой в Икви. И вдвоем ещё подойдем к той горе, и в том храме понимания.

Ты пишешь об ушедшем смертоносном годе. Все мысли свои об этом я выразил в том стихотворении «Колосс с железной пятой». И сейчас оно часто возникает внутри меня, потому что предчувствие не обмануло: «И он концом серпа кривого Зацепит нас издалека».

Сижу дома, с Анькой и бабушкой. Ухаживаю сразу за обеими: как написал один поэт, «ничто нас в жизни не может вышибить из седла». Будем преодолевать и в дальнейшем все трудности.

Страшная смерть в Давитгаджи. Надо нам побывать там. Ты пишешь, что в институте однообразно, скучно. Дорого бы я дал сейчас, чтобы мне было «однообразно и скучно» в библиотеке, с книгами наедине. А то сейчас я повязан: то работа, то дом; никак не могу найти времени позаниматься. Дотерпеть бы уже до аспирантуры. После аспирантуры не хочу возвращаться в Омск, попробую перебраться куда-нибудь ближе к Западу. Очень душно мне в этом городе.

Посылаю тебе фото 4-хлетнего Алёши Чертова (в детстве дома меня звали Лёшей), в «большой шапке». К этому письму в буквальном смысле «приложила руку» и Анечка, точнее обе свои ладошки (приложение здесь).

Она, как и я, целует дядю Бидзину. ещё раз спасибо за фотографии и за письмо. Сам я через некоторое время напишу ещё, не буду дожидаться ответа.

Книги вышлю на Николадзе. Всем поклон.

Твой Олег.

15.1.1985

Здравствуй, дорогой мой!

Несколько дней мой почтовый ящик пустует, решил написать сам. Часто возвращаюсь к нашим фотографиям. Удивительные у нас у всех лица: светлые, чистые. Последней и самой большой мечтой моей жизни станет перебраться в Грузию или хоть поближе куда-нибудь к вам. Думаю, может с аспирантуры попытаться куда-либо завербоваться, в Волгоград, например? Вряд ли, впрочем, это удастся. Пусть пока хоть эти три года в Ленинграде светят. Правда, пока ещё ответ из министерства на мою целевую аспирантуру не пришёл. Но будем надеяться, всё оформится со временем.

Начавшийся год летит очень быстро, слишком даже быстро. 3-го февраля Таня уезжает в Ленинград на месяц. Она могла бы вам звонить, но, к сожалению, у меня нет ни твоего, ни Гелиного телефона. Нужны будут они и мне тоже, так что срочно пришли, а я уже сойду Тане.

У нас вечер, укладываю Аньку спать – других авторитетов она не признает. Пугаю её друзей милиционером – она закрывает глаза, прячется под одеяло, так и засыпает. Дома у нас всё по-прежнему. Бабушкино состояние стабилизировалось, но она прикована к постели. Поэтому мы с мамой поочередно находимся дома, ведём хозяйство, водимся с Анькой и бабушкой, et cetera. Подобный modus vivendi несколько утомителен, но выхода нет. С Таниным отъездом станет ещё сложнее. Зима странная – не очень холодная, но снега мало, снег состарился, почернел, посерел. От этого ещё неудобнее. Мной устойчиво владеет странное чувство начавшихся сборов, ощущение или предощущение готовящейся перемены, каких-то коренных изменений, важных встреч. Хотя это можно вполне конкретно, социально объяснить, перемена будущая имеет некий странный привкус, привкус холодного ветра. Знаешь, такой ветер, будто с небес залетевший. Наверное, мы все скоро оставим мир. Страх в этом, правда, пока нет никакого, дай Бог, чтоб не проявился он и впредь. Конечно, это чувствование сопрягается у меня, как обычно, с нормальной и бесцельной мирской суетой, с забывчивостью, с какими-то дурацкими планами на будущее. Но то, что никогда не обманывает – подсознание, и оно реально выражается в моих еженощных снах, да и в стихах, а ведь стихи – смысл моего существования, хороши они или плохи. Последнее время у меня проклёвывается какой-то новый цикл, предварительно названный «Сборы» по основной своей мысли.

*Жить на два дома трудно одному:
Друзья не застанут, уходят гости.
Уходит время, как вода из горсти.
И суетиться больше ни к чему.*

*А в прежнем доме свет в окне горит.
Над городом, морозными ночами
Восходит Ключник и звенит ключами,
Смеется и дорожку серебрит.*

*Там, на краю дорожки,
звёздный мальчик,
Наверно, позабытый ангел мой,
Держа в руке пульсирующий мячик,
Другой рукой нетерпеливо машет
И весело кричит:
«Иди домой!»*

Не знаю, удалось ли мне передать это ощущение, вынесенное из детства, из детской памяти, о прежнем доме, о ребёнке – но ты, я уверен, прекрасно понимаешь меня. А больше-го и не надо.

этом я уже писал. Впрочем, времени ещё много до лета.

Хорошо бы достроить домик Гелы в Джихашие и поселиться там безвыездно. Я бы разводил индюшек, сад разбил. Видишь сам, какой ерундой занята моя голова.

Прости за такое бестолковое письмо. Бесталанный период ожидания чего-то. Как бы это ожидание меня не обмануло. Ещё раз благодарю тебя, мой брат, за фотографии.

Целуй Гелу, Мишико. Поклон тётке Манане, тётке Цисане, если увидишь, Валино. Обнимаю тебя.

Твой Олег.
24 января 1985

* * *

Здравствуй, мой дорогой!

Посылаю вдогонку ещё одно письмо, потому что получил сегодня весточку от тебя. Письмо напишу также сугубо информативное, деловое. Этому также способствует погода. После 26-градусной жары ударили морозы со снегом - 2-4°C.

Эта весна бьёт людей враскачку, температурой, сменой давления, сменой погоды. Не хочется даже выходить из дому.

Я всё же надеюсь, что этим летом мы увидаемся.

Ну а если не удастся – то уж зимой придётся, в Ленинграде, опять-таки если всё будет нормально. Конечно, очень важно докончить дело с переездом на Хилиани. Но я буду ждать вас с Гелой этим летом.

Что касается Валино, то передай ему следующие рекомендации. Доктор П. Глыбин из Владивостока: спать ложиться лучше всего в 10 часов вечера, вставать в 5-6 часов утра. Все долгожители начинают работать до 6 утра. «В пять утра организм испытывает максимальный «подъём», который даёт хороший импульс на весь день... В сельской местности, где начинают работать «с петухами», меньше «болезней века». Суть – в синхронизации биологических часов и активной деятельности».

Периоды подъёмов: 5-6 часов утра. 11-12, 16-17, 20-21, 24-1 час ночи. Периоды спадов: 2-3 часа ночи, 9-10 часов утра. 14-15, 18-19, 22-23. Утро лучше начинать с пробежки и холодного душа; вечером – спокойная прогулка перед сном. Переходить на ранний подъём следует сразу, тогда и спать ложиться будет рано.

Далее. Что касается тибетского чая: заваривать (точнее, варить) горсть, отколотую от плиты, зелёного чая в 1,5 л воды, затем 1,5 л молока до кипячения варить. Пить можно в любое время суток, но не перед сном – сильно тонизирует. Больше двух недель подряд пить его нельзя, потом двухнедельный перерыв. Во время перерыва пить такой чай: 3 чайных ложки зелёного чая + 1 чайная ложка мяты + 1 ч. л. тысячелистника + 1 ч. л. пустырника + 1 ч. л. ромашки. Такой чай с разными вариациями пьём мы с Таней – очень вкусно и полезно. Такой чай сильно транквилизирует, советую –

От Чиладзе никаких сигналов. Впрочем, честно сказать, я ничего и не ждал вообще; просто, очень важно узнать, дошло ли моё заказное письмо, посланное без индекса; во всяком случае, назад оно не вернулось. Не хотелось бы, чтобы оно попало в чьи-либо руки.

Если тебя это не затруднит, Бидзина, уточни, получил ли он моё письмо, да и почтовое отделение его узнай. Вряд ли я напишу ему ещё, но заезжать без предвзвешенного контакта в гости – неблагоприятно. Я так думаю.

Ты заметил уже, каким дурацким стилем я пишу тебе это письмо, какими длинными путанными фразами. Всё это последствия моей концентрированной работы над рефератом по «возлюбленному» тобой Гатри. К слову, вопреки моим ожиданиям, книжка довольно поверхностная, о Сократе можно и нужно писать в тысячу раз глубже. Англосаксонская мысль всегда почему-то отличалась недостаточной глубиной и избыточным самомнением. Во всяком случае, относительно истории культуры. В их сознании даже места нет для мучащих нас вопросов, отсюда, видимо, такое порхание по философии, как у Гатри. Конечно, не «нам» его стыдить, но русская философия начала века несравненно глубже. С волнением жду возможности снова глубоко зарыться в питерские библиотеки. Всё ещё читаю «Игру в бисер» и страшно завидую всей фантастической Касталии, как будто она и впрямь существует. В такие мгновения вся жизнь кажется пропавшей, безрезультатной, утраченной в миру. И утешить некому, и поддержать некому. Уж очень мы далеко раскиданы на Земле. Легче всем вместе возвратиться к исходной нашей звезде, чем здесь, на Земле, в чуждом мире, сойтись надолго. Вчера с предельной ясностью я почувствовал, что все эти люди – просто чужие, другие существа, просто другие. Как инопланетяне, как другой вид животных, что ли. Наверное, это гибельная мысль, но мне хотелось бы, чтоб она меня не оставляла на остатке пути. Эта мысль, мне кажется, от многого может уберечь. Понимаешь ли ты меня, Бидзина?

Все спят. Делаю краткий перерыв на ночь.

Следующий вечер. Пробежался на лыжах, теперь снова укладываю Аньку. Она сидит на горшке в кровати и играет с куклой Антошкой и потом что-то сама с собой говорит.

Сегодня я думал об этой страшной, новой и давно знакомой мысли – о необходимой нашей инаковости. Может, это соблазн? Или какой-то очень нужный нам базис, основа? Ведь из этого исходя, можно сильно сопротивляться миру, не идти по его проторенным путям, не поддаваться его греху. Конечно, это детство. Мы одиноки, нет на Земле сил, нас поддерживающих, кроме нас самих. И Чиладзе молчит. И нет для нас ни Ордена, ни Учителя. Страшно. Что с нами будет дальше? Вроде бы сами уже взрослые, но необходимость ученичества как никогда остра.

Летний отпуск у меня с 1 июня по 29 июля. Август буду в Омске, готовиться надо к экзаменам. Нужно продумать все варианты, об

этом плане тебе полезно будет присоединиться к Валино. Напиши, есть ли у вас в аптеках эти травы, если нет – будем доставать здесь...

Дорогой брат мой, немецкий учебник по астрологии мне бы чрезвычайно пригодился, летом бы я его попереводил с Таниной помощью. Так что, если можно, я бы его с удовольствием на некоторое время получил. Занялся вчера Аронсоном, посмотрим, что получится. Что касается истории философии, то на время я её также бы получил. Большинство из указанных тобой книг у меня или есть, или были. Другое дело: Гегель «Лекции по истории древней фил-ии», Нарский «История философии XIX в.» ещё вот что, Бидзина, нельзя ли в университете взять программу истории философии?

На русском, конечно.

Пока я писал тебе это письмо, приехал с Камчатки мой брат Саша с женой и сыновьями. Так что теперь в доме много детей, а через несколько дней их будет ещё больше. Но мы с Таней и Аней с 4 июня поедem в загородный дом отдыха на пару недель. Дома будем бывать часто, так что адрес не изменился. Извини, что письмо получилось сугубо деловое. В мыслях и снах я всё чаще возвращаюсь в Тбилиси, в Грузию, к вам. И последний по времени свой приезд всё чаще вспоминается мне. В ближайшие дни напишу ещё. А пока передай поклон маме, Валино, бабушке, Мерабу, Мишико, Готлико его жене, тёте Цисане, бабушке Тамрино. Целую тебя и Гелу. Если б я смог так жить! Целую вас и обнимаю.

Ваш брат Олег.
19.05.85

* * *

Здравствуй, брат мой драгоценный!

Возобновляю нашу переписку после длительного несуразного перерыва. Снова дома, но, чувствую, ненадолго, так как путь мой уже начат, и начало это где-то ранее порадовало меня. Вероятно, ты поймёшь. С удивительной,стораживающей лёгкостью прошёл я через весьма трудные барьеры поступления и произвёл на своих экзаменаторов очень благоприятное впечатление. Это впечатление никак не соотносится с теми мизерными усилиями, которые я затратил на подготовку к экзамену по специальности. Скажу лишь, что получить низкую оценку у меня было бы больше шансов. Однако вопросы были столь выигрышны... К истории партии я, естественно, совсем не готовился, и – та же картина. Мне кажется, я догадываюсь, в чём дело. Во-первых, стремление совпало с судьбой, во-вторых, вы, мои близкие, беспокоились за меня, что и создало необыкновенно высокую концентрацию энергии. Я даже физически чувствовал это. Ну, ладно, хватит об этом. Теперь я в межвременье. На кафедре вполне примирились с моим появлением, тему одобрили, а это – главное. В этот страшный, суетный период писались следующие стихи.

*Бегу по кругу бытия.
Верчусь, как на углях.
Привычно делает Судья
Пометки на полях.*

*Всё напоследок уяснит,
Но не спешит карать:
Сшивает судебная нить
Судебную тетрадь.*

*Как мы бездарны и слепы
Без Божьего крыла!
И чем короче нить Судьбы,
Тем яростней игла!*

Сейчас для меня главное – собраться с волей и заняться вновь, но уже более серьезно, грузинским. Живший со мной по соседству в институте Бехтерева (там я остановился) грузин оказался Зубра Кутателадзе, канд. психологии, и я имел счастье вспомнить кое-что из твоих замечательных уроков в Ркони. Из знакомства с ним я ещё раз понял, что такое для Грузии вы с Гелой, хотя в целом он неплохой человек.

*Вот слёзы на коре ствола –
То осень подошла.
Как близко осень подошла
И под кустом легла.*

*Под можжевельным кустом
И рыжим бьёт хвостом.
И хвост, летая вверх и вниз.
Бьёт по холсту как кисть.*

*И вот уж по краям холста
Осенние цвета.
Цветы осенние нежны
И в гамме желтизны*

*И в той же гамме белый стих
И шелест трав сухих.
Те травы не несут росы
В рассветные часы,*

*И три астральные часа
Процарствует лиса.
Пока не вырвется из тьмы
Трёхглавый пёс зимы...*

В эту свою поездку прочитал я Гофмана «Эликсиры дьявола». Потрясение. Ничего подобного я ещё не читал. Кроме Достоевского и Булгакова, ни один писатель так не переворачивал мою душу. Это величайшая книга. Замечу тебе, что Гофман в ней вскрыл чрезвычайно многие важнейшие мировоззренческие моменты, особенно важные для нас и теперь. К этой книге я буду возвращаться теперь всю жизнь. В ней я нашёл и многие пояснения к «Братьям Карамазовым», как это ни странно. Именно тот компонент, которого мне не хватало. Я чувствую, что интересы мои всё более и более сдвигаются к силам ночи, и это меня беспокоит, несмотря на благие цели. Слишком

много риска связано с этими интересами, а я слишком удалён от благих сил. Делаю слишком много ошибок.

*...Как нож от гильотины – к горлу!..
В минувший год, об эту пору,
Душа в Гелати вознеслась,
И мнилось – буквенная вязь
Сродни настенному узору.
И вдруг душа оборвалась!*

*Нет меры Божьему укору.
Мои минуты сочтены.
Вдоль нескончаемой стены
Бреду впотьмах по коридору
Все глубже в царство сатаны.*

*Здесь Белиал – владыка тьмы,
И мгла везде, куда ни смотришь
Лишь алый серп взлетел наотмашь
Под пиром посреди чумы.
Ещё мгновение всего лишь –
И он сорвётся с вышины,
Как нож от гильотины – к горлу!*

* * *

*Сентябрь, окрашенный свинцом.
И вдруг, среди тягостного бреда –
Тепло и сухо, бабье лето,
Как отпущенье пред концом.*

*Конкретизируется свет
В непрочной нити паутиной.
Тяну континуум бытийный
Сквозь вязкий мрак последних лет,*

*Покуда световая нить
Ещё не рвётся предо мною,
Хоть и натянута струною.
И аж звенит!*

Да, вот такие невесёлые мысли владеют моей душой, на новом изгибе судьбы. Приезжай в Ленинград. Мы будем, по крайней мере, вдвоём в этом подходящем для нас городе. Приезжай надолго. Вероятно, что-то решится тогда в нашей жизни. Будем работать в библиотеке, ходить по вечерам в филармонию на Моцарта, смотреть фильмы Феллини. А главное – будем вместе. Душа моя истосковалась по тебе, и когда я пробуждаюсь от повседневного наваждения, я страдаю. Приезжай, сделай всё. Ты мне очень нужен. Я молю, чтоб Господь послал тебя мне, как единственно возможно земную помощь, в том опасном деле, которое я начинаю.

О деле. Дорогой мой, я уже передавал Геле. Узнай, есть ли переводы «Эликсиров сатаны» на грузинский – наверняка, нет. Отсюда – не будет ли у тебя возможности заняться самому переводом? В том плане, целесообразно ли это? И реально ли? В этих вопросах я совершенно не ориентирован и поэтому спрашиваю. «Эликсиры дьявола» на русский перевелись трижды: в 1896, 1927 и в 1984 – вышли в серии «Литературные памятники», в Ленин-

граде. Мне, конечно, очень бы хотелось, чтобы ты перевёл. Мне трудно судить, но это была бы блестящая работа.

Дома у меня всё нормально, хотя мой отъезд вызовет, безусловно, немало осложнений, в основном, из-за Аниютки. Она уже большая, рассудительная девочка. Попытка устроить её в детский сад окончилась неудачей – прохотив четыре дня, она заболела. Да и сам садик мне напомнил казарму или лагерь для заключённых. А как будем выкручиваться далее – не знаю. Таня собирается приезжать в Ленинград, что осложняется тоже только Анечкой. Было бы чудесно, если бы ты написал ей письмо, и в нём невзначай подчеркнул, что основная цель её теперешней жизни – ребёнок, а не что другое. Прости, ради Бога, что я тебя программирую, но Таня, к сожалению, не всегда это помнит, а твоё желание для неё – закон. Потому и прошу тебя, и надеюсь на тебя. Всё остальное пока в норме, но ощущение «звнящей нити» меня не оставляет. Как у тебя дела? Как здоровье отца, мамы, бабушки, наконец, твоё? Как нога у Гелы? Как тётя Цисана? Всем поклон, Гелу поцелуй, привет Ваняко, Мерабу, Тошико с семейством. А тебя целую и жду. И очень люблю. Пиши мне срочно и сюда. По крайней мере, до своего дня рождения я буду дома (т.е. до 20 окт.). И Танечке тоже напиши. Мы очень вас любим и целуем.

30.IX.1985